

УДК 81'114.

А. А. Козлова

УрФУ, г. Екатеринбург

Эксплицитные и имплицитные способы реализации речевого акта угрозы

Угроза долгое время находилось в тени изучения других целеустановок. В последнее время в ряде работ делается попытка определить целеустановку угрозы (см. работы А. Н. Баранова, М. Г. Безяевой, М. Я. Гловинской, Д. О. Жучкова, А. Ю. Масловой и др.). В русской лингвистической традиции угроза связывается с повелительностью, императивом и волеизъявлением. Она может также совмещаться с такими целеустановками как предостережение, совет, вопрос, требование. При определении целеустановки угрозы важно учитывать временной параметр осуществления действия-возмездия: действие-возмездие всегда будет отнесено к будущему.

В интерпретации речевого акта угрозы мы исходим из определения, данного в работе М. Г. Безяевой: «*Угроза* – это предупреждение о желании говорящего осуществить нежелательное действие для слушающего (или третьего лица), если тот совершил, совершает, совершит или возобновит нежелательное для говорящего или третьего лица действие либо не совершил, не совершает, не хочет совершить или возобновить желательное для говорящего (реже – третьего лица) действие, которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего» [1].

Опираясь на классификацию речевых актов Дж. Серля, мы можем отнести угрозу к комиссивам, возлагающим на говорящего ответственность совершить какое-то действие, и к директивам, служащим для того, чтобы добиться совершения чего-либо от слушающего.

Угроза является реакцией на нежелательное действие адресата (третьего лица), которое может быть названо в предшествующей реплике. Вследствие этого угроза часто выступает как реплика-реакция, которой, как правило, предшествует выражение желания, намерения собеседника осуществить или

возобновить нежелательное действие, вызов, отказ осуществить желательное. В то же время угроза редко остается без словесного ответа, сама в свою очередь, становится репликой-стимулом.

Коммуникативная целеустановка угрозы может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. В соответствии с типологией А. Ю. Масловой [2] оба способа формирования интенции угрозы в русском языке могут быть ориентированы на Я-позицию адресанта или Ты-позицию адресата. Согласно этому, была осуществлена классификация отобранных из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) контекстов, содержащих семантику угрозы, по эксплицитности и имплицитности выражения интенции угрозы и по ты-/я-ориентированности высказывания.

В результате было выделено две группы: контексты с эксплицитным способом выражения угрозы и контексты с имплицитным способом выражения угрозы.

К первой группе мы отнесли высказывания, ориентированные на Я-позицию говорящего, в которых эксплицируется целеустановка угрозы, условия осуществления действия-возмездия и собственно действие-возмездие. Так, в контексте *Но учти, милый, если ты меня не приведешь в прежний вид, я тебя засужу, так и знай* мы видим условие осуществления действия-возмездия, которое вводится союзом *если*.

Ко второй группе были отнесены контексты, ориентированные на Я-позицию адресанта, в которых присутствуют предупреждение о реализации действия-возмездия, указание на совершение действия-возмездия через неопределенный срок и указание на нереализованное действие-возмездие. В эту же группу вошли высказывания, ориентированные на Ты-позицию адресата. Так, в контексте *Разругался и сказал: «Сейчас я вам покажу!»* использован глагол совершенного вида с обобщенным значением нежелательного для собеседника действия. Данный глагол использован в форме первого лица будущего времени, что подчеркивает способность говорящего осуществить действие-возмездие. В контексте *Ну, сволочь, ты у меня дождешься!* глагол *дождешься* в форме

второго лица эксплицирует возможность последствий осуществления говорящим нежелательного действия для адресата.

Кроме того, интенция угрозы может выражаться косвенно. Так, например, в качестве угрозы может выступать речевой акт приказа: *Я кому сказал, захлопни варежку!* – уже с угрозой произнес Лохматый (В. Железников).

Специфика речевого акта угрозы обусловлена тем, что целеустановку речевого акта угрозы невозможно выразить непосредственно с помощью глагола *угрожать*, так как этот глагол является квазиперформативом, содержащим, по З. Вендлеру, «подрывной фактор» в своей семантике.

Таким образом, можно выделить наиболее типичные модели выражения речевого акта угрозы:

1) эксплицитно выраженное требование + (*а*) *не то* + эксплицитно или имплицитно выраженное действие-возмездие;

2) *если* + имплицитно выраженное требование (*то*) + обещание негативных последствий;

3) *еще (раз)* + имплицитно или эксплицитно выраженное требование (*и*) + обещание негативных последствий.

По материалам нашего исследования наиболее частотными способами выражения интенции угрозы являются имплицитные способы выражения, ориентированные на ты-позицию адресанта.

Литература

1. *Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002. С. 480.
2. *Маслова А. Ю.* Введение в прагмалингвистику : учебное пособие. М., 2008. С. 52.